

© 1992 г.

Г. ШУМАН, Ж. СКОТТ

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ*

ШУМАН Говард — профессор социологии, главный научный сотрудник Института социальных исследований Мичиганского университета, главный редактор журнала «Паблик Опиньон Квотерли» (США). В нашем журнале опубликовал статью «Открытый и закрытый вопрос» (1982, N 3: в соавторстве). СКОТТ Жаклин — доктор философии, ассистент-профессор Мичиганского университета. В нашем журнале публикуется впервые.

Мысль о том, что каждое поколение несет на себе зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности, не нова и чаще всего ассоциируется с именем К. Маннгейма. Хотя он и не дал сколько-нибудь точного определения понятию «поколение» («генерация»), но подчеркивал, что его надо относить скорее к социальной, нежели к биологической сфере. Там, где новообразования редки, а изменения происходят медленно (пример — традиционные крестьянские общины), отличных друг от друга поколений может и не образоваться. Только там, где мы способны четко и однозначно демаркировать когорту в терминах ее социально-исторического сознания, следует говорить об истинном поколении¹.

Хотя Маннгейм акцентировал прежде всего социальную природу поколения, имплицитно в его рассуждениях присутствует нечто отличное от этого, а именно понятие «жизненный цикл» («life course»). Процесс формирования поколения как чего-то уникального и самобытного тянется несколько лет. Его нижняя граница — поздняя юность (17 лет), а верхняя — ранний период взрослости (25 лет) Именно в этот момент у человека формируются собственные взгляды на общественно-политические явления. Характер поколения, сформированный событиями, происходившими во времена юности, оказывает решающее влияние на всю последующую — взрослую — жизнь людей.

Социологи используют поколение в качестве фактора, с помощью которого можно предсказывать будущее поведение больших масс людей. Если выборка составлена из специфических генерационных групп, то можно доказать, что они отличаются некоторым единством мыслей и по-

---

* Статья переведена с сокращениями по: Amer. Sociol. Rev. 1989. V. 54. June.

¹ Мы употребляем термин «когорта» дескриптивно, понимая под ним «совокупность индивидов, существующую внутри некоторой популяции при условии, что эти индивиды переживают одни и те же события, происходящие в одном и том же интервале времени». В отличие от него понятия «эффект когорты» и «поколение» имеют еще одну дополнительную — идеологическую — характеристику. Понятие «эффект когорты» все-таки более узкое и, как правило, ограничивается социальными или демографическими параметрами.

ступков. Однако когда когорта представлена широкой популяцией, невозможно доказать, что прошлый жизненный опыт оказывает какое-либо влияние на политические установки или действия людей.

Даже формальная попытка идти от описания когорт в терминах возраста к предсказанию будущего поведения является очень важным шагом вперед. По существу, здесь изучается, что именно из прежнего опыта остается в памяти конкретной когорты и влияет на поведение. Основная гипотеза Маннгейма касается того опыта юношеских лет и раннего периода взрослости, который «взят» в будущее по крайней мере с какой-то степенью самосознания. Наше предположение, что поколение времен Великой депрессии будет экономным, а вьетнамское поколение — осмотрительным по отношению к военным вмешательствам за рубежом, основывается на уверенности в том, что их воспоминания о прошедших событиях несут осознанный характер.

В эмпирическом исследовании нас интересовало: существуют ли воспоминания, отличающие одну когорту от другой? Могут ли когорты, выделенные на произвольном возрастном интервале, предопределяться затем в терминах генерации, отличая каждое поколение по каким-то ярким событиям, оставшимся в памяти? Исходная гипотеза исследования состоит в том, что структура этих воспоминаний «вдоль» возрастной составляющей должна определяться в основном фактором когорты. Нашей целью было также изучение возможных взаимосвязей между влиянием поколенческого фактора и обычными стратификационными переменными (образование, раса, пол), т.к. влияние поколенческого фактора может уменьшаться или увеличиваться в отдельных социальных группах исследуемой популяции.

Операционально мы работаем как бы "назад" и определяем с помощью незаконченных предложений основные «национальные или мировые события или изменения», вспоминаемые в качестве важных за последние 50 лет населением США. Далее мы рассматриваем то, в какой мере возрастная классификация воспоминаний согласована с гипотезой о влиянии поколения и, если это так, указывает ли такое разбиение на одну или большее число возрастных групп, где обнаружено максимальное влияние событий. В итоге мы стремились выйти за рамки простой фиксации воспоминаний о пережитых событиях, выявляя их значение для респондентов в зависимости от принадлежности к той или иной когорте. Мы намеренно установили временной промежуток в полвека, считая от даты нашего исследования (1985).

Проверилась также гипотеза о том, что события и изменения, которые в максимальной степени запоминаются, происходят во времена юности или ранней взрослости представителей данной когорты. Они определяются как «молодость». Можно выделить по крайней мере три вида аргументов, указывающих на этот период как на критический в формировании генерации. Первый и наиболее очевидный заключается в том, что люди обычно не способны вспомнить в качестве важнейших те события, которые происходили до начала их жизни. На это указывали Маннгейм в 1928 г., Халбватч в 1950 г., который четко разводил автобиографическую и историческую память: первая богаче и более значима для личности. Второе соображение: школьники получают лишь поверхностную информацию о политическом мире вне своей семьи или личных контактов. По-видимому, осведомленность о крупных политических событиях не проявляется в период, предшествующий ранней юности. Третье. Большинство людей не вспоминает как важнейшие те события, которые произошли позднее их первоначального периода взрослости. Согласно Лэвису, исторические события юности разрывают экзистенциальную ткань нашего существования в этом мире, поэтому оставляют неизгладимое впечатление. Вполне вероятно, что индивидуальные интересы модифицируют «факторы жизненного пути», заставляя воспринимать некоторые события в качестве важных, хотя они и не происходили во времена юности или ранней взрослости респондентов. Например, значение

Второй мировой войны, даже если сведения о ней получены из вторых рук (из книг и рассказов родителей), может сильно конкурировать с юношескими переживаниями войны во Вьетнаме и лучше запомниться. Однако даже в тех случаях, когда поверхностная память о событии не варьируется в зависимости от возраста опрошиваемых, мы предполагаем, что значимость событий различна для разных когорт. Причина, по Маннгейму, в том, что старшая генерация интерпретирует события в терминах устоявшегося взгляда на мир. Более молодые, чтобы пережить событие лично, должны интерпретировать его в терминах того мира, в котором они провели свою юность. Поэтому нас интересуют не только коллективные воспоминания о событиях, но также их интерпретационное содержание как возможный фактор дифференциации поколений.

Таким образом, речь идет о проверке трех тесно связанных гипотез. Во-первых, после того, как с помощью техники неоконченных предложений выявлены основные коллективные воспоминания о последней половине века, мы проверяем-структурируются ли эти воспоминания по возрасту таким образом, чтобы они ясно указывали на различие между поколениями. Во-вторых, если эффекты генерации существуют, то годится ли для их объяснения модель, рассматривающая юность и раннюю зрелость в качестве главного источника политических и социальных воспоминаний. И, в-третьих, мы сравниваем юношеские воспоминания с полученными в другие периоды жизни, ожидая, что более поздние воспоминания могут быть лучше поняты если учитывать опыт пережитого.

Метод и исходные данные

Исследование началось в 1985 г. Методом случайной выборки было опрошено 1410 американцев в возрасте от 18 лет и старше. Их просили подумать «о национальных и мировых событиях и изменениях», происшедших в последние 50 лет,

а затем выделить из них одно или два, кажущиеся наиболее важными. Понятия «события» и «изменения» употреблялись вместе потому, что нас интересовали как события, ограниченные во времени, так и более общие социальные изменения. После этого мы спрашивали респондентов о том, почему они выбрали данное событие или изменение.

Респонденты опрашивались по случайной выборке телефонных номеров в течение четырех месяцев (апрель, май, август, сентябрь) 1985 г. Разрыв между маем и августом сделан не случайно. Мы хотели проверить, влияют ли недавние события или празднование какой-нибудь годовщины на суждения людей о прошлом. Для двух тем (гражданские права и ядерное оружие) отмечено небольшое, но статистически значимое увеличение ответов. (Увеличение упоминаний о ядерном оружии, вероятно, связано с тем, что в августе отмечалось 40-летие со дня атомной бомбардировки Хиросимы). Число ответивших по четырем телефонным опросам составило 71%; еще 40 респондентов прервали интервью.

Для оценки гипотез применялись графическое представление воспоминаний по возрасту (соответственно по когортам), логистический анализ с использованием возраста и еще трех стратифицирующих переменных (образование, раса и пол) для контроля, сравнения и определения их взаимосвязи с воспоминаниями. Пояснения респондентов анализировались с помощью контент-анализа.

Вторая мировая и Вьетнамская войны — наиболее упоминаемые события за последние 50 лет: их соответственно назвали 29,3% и 22% респондентов².

²Проценты в первой колонке (табл. 1) подсчитываются по отношению к 1253 респондентам, которые указали хотя бы одно событие или изменение. (В дальнейшем мы будем иметь дело еще со 157 респондентами, которые не смогли указать какое-либо событие или изменение, но ответили на другие вопросы исследования.) В последней колонке проценты подсчитываются по отношению к тем же 1253 респондентам, но в число отметивших событие в данной строке входят как те, кто поставили

Кроме них в список вошли еще десять событий: шесть были указаны более чем 5% выборочной совокупности — освоение космического пространства, убийство Дж.Ф. Кеннеди, гражданские права, ядерная угроза, достижения в средствах связи и транспорте, депрессия 30-х годов. Дополнительно мы включили еще четыре события, хотя частота их упоминания не достигла 5%, но они представляли интерес с точки зрения исследовательских задач: развитие компьютерной техники, терроризм (в частности, захват заложников Ираном в 1979 г.), упадок морали и права женщин.

В целом 82% из тех респондентов, кто указали хотя бы одно событие, попали в одну из 12 категорий. Поскольку существует высокая корреляция между частотой упоминания события и частотой его упоминания первым, мы ограничим анализ основных категорий дихотомией: упомянуто событие или нет. Отметим, что для сведения упоминаний в эти 12 категорий потребовалась немалая работа. Даже такое четко выраженное событие, как Вторая мировая война, состоит из сложных групп более элементарных событий (атака Пирл-Харбора, вторжение в Северную Африку, капитуляция Германии и т.д.). Конечно, категория «Вторая мировая война» — результат определенной концептуализации, основанная на том, что историческая реальность — это неделимое течение. В случае со Второй мировой войной редукция была проведена очень аккуратно, что подтверждено повторным анализом. Он показал, что из 367 респондентов 310 ответили, употребив именно такое выражение — «вторая мировая война». Совершенно очевидно, что для категоризации элементарных событий необходимо иметь не только обоснование кодирования, но и четкий механизм его реализации.

Другие категории поддаются концептуализации в меньшей степени, если, конечно, для них нет общепринятых определений. Например, тема «права женщин» включает в себя расширение возможностей выбора работы, поправки к конституции о равных правах, женское движение и т.п. В этом случае требуется большее обоснование для отнесения событий к соответствующей категории, чем в случае со Второй мировой войной. В последующем анализе мы старались сохранить чувствительность инструмента по отношению к вариациям внутри и между категориями и где нужно; мы проводили специальную проверку для того, чтобы быть уверенными: метки (названия) в табл. 1 не столь грубы, чтобы помешать выявлению важных взаимосвязей на других уровнях концептуализации³.

Самый значимый фактор влияющий на историческую память, - это отсутствие образования. Большинство респондентов, затруднившихся указать соответствующее событие или изменение, не училось в колледже. После проведения одномерного логического анализа влияния таких переменных, как образование, возраст, раса и пол, на отсутствие ответа на вопрос о важном событии или изменении подтвердилось, что образование остается наиболее сильным объясняющим фактором; возраст никак не связан, а раса (черная) или пол (женский) существенно связаны с отсутствием ответа на данный вопрос.

событие на первое место (вспомнили первыми), так и те, кто упомянули его вторым, в противоположность тем, кто совсем не указали его. Например, 29,3% из 1253 респондентов упомянули о Второй мировой войне, а 70% этого не сделали. Сумма процентов по последней колонке больше 100, т.к. упомянувшие два события фиксировались в обеих строках таблицы.

³ Кодирование осуществлялось профессиональными кодировщиками, не знающими специфических гипотез исследования. Для вопроса о событиях и изменениях согласованность между основной и контрольной кодировками составляла в среднем 95%. Когда речь шла о более сложной кодировке причин выбора того или иного события, соответствие между основной и контрольной кодировками в среднем составляло 74%.

Наиболее часто упоминаемые события и изменения

	% от первого упоминания	Упомянуто первым	Упомянуто вторым	Общее число упоминаний	% от общего числа упоминаний**
*Вторая мировая война	21,3	267	100	367	29,3
*Вьетнамская война	11,6	145	131	276	22,0
*Освоение космического пространства	7,4	93	66	159	12,7
*Убийство Дж.Ф. Кеннеди	5,0	63	48	111	8,8
*Гражданские права	6,1	77	30	107	8,5
*Ядерная угроза	4,5	56	42	98	7,8
*Достижения в средствах связи и транспорта	3,7	46	31	77	6,1
*Депрессия 30-х годов	4,6	58	12	70	5,6
*Развитие компьютерной техники	1,8	23	26	49	3,9
*Терроризм	1,5	19	24	43	3,4
*Упадок морали	2,9	28	13	41	3,3
*Права женщин	1,6	20	17	37	3,0
Президентство Рейгана	1,6	20	15	35	2,8
Никсон (Уотергейт)	0,7	9	26	35	1,8
Инфляция	1,6	20	14	34	2,7
Достижения медицины	1,1	14	19	33	2,6
Социальная обеспеченность	1,8	23	6	29	2,3
Атомная энергия	1,2	15	14	29	2,3
Безработица	1,2	15	11	26	2,1
Корейская война	1,0	12	14	26	2,1
Война вообще	1,0	13	11	24	1,9
СССР, холодная война	1,0	12	9	21	1,7
Проблема голода в мире	1,0	14	6	20	1,6
Улучшение/ухудшение образования	1,0	12	14	16	1,3
Ф.Д. Рузвельт	0,9	11	5	16	1,3
Образование Израиля	0,7	9	4	13	1,0
Движение за мир	0,6	8	5	13	1,0
Сельскохозяйственные проблемы	0,6	7	5	12	1,0
Ближний Восток	0,4	5	7	12	1,0
Центральная Америка	0,6	7	4	11	0,9
Экономическое развитие	0,6	7	3	10	0,9
Иммиграция	0,5	6	4	10	0,8
Прочие события	9,5	119	96	201	16,0
Общее	100,0	1253	840		
Знаменатель	(1253)				(1253)

* Основные события и перемены.

** В каждой строке указан процент упоминания события независимо от того, первым или вторым оно названо к общему числу респондентов (1253), указавших хотя бы одно событие.

Эффект генерации

Простейшая формулировка гипотезы о влиянии генерации — люди всех возрастов обычно указывают события или перемены, происходившие во время их юности, — отлично подтвердилась для большинства из 12 событий и изменений. Графическое представление результатов на графиках 1—5 поможет их детальному обсуждению. На графиках представлены двойные связи возраста с основными категориями. Кроме того, были изучены (с помощью логических регрессий) связи основных категорий с образованием, полом и расой. Результаты представлены в табл. 2. Во всех случаях проведенный контроль по образованию, полу и расе выявил решающее влияние возрастного фактора. Для большинства событий, где возраст оказывал значительное влияние, он обладал максимальной предсказательной силой (это обнаружилось и в линейных, и в криволинейных трендах). Кроме того, нами изучена взаимосвязь между возрастом и остальными тремя параметрами — образованием, полом и расой.

Результаты приведем, начиная с двух главных войн, в которые Соединенные Штаты были вовлечены на протяжении последних 50 лет. На рис. 1 видно, что частота упоминания Второй мировой войны как особенно важного события имеет максимум для тех, кому в 1985 г. шел шестой или седьмой десяток. Частота упоминания войны во Вьетнаме высока среди людей в возрасте от 18 до 44 лет, достигает максимума для тех, кому за 30 или 40, и резко уменьшается для более старших возрастов.

Таблица 2

Зависимость между основными событиями/изменениями и возрастом, образованием, полом, расой: значимые /-отношения

Переменные	Вторая мировая война	Война во Вьетнаме	Космос	Гражданские права
Образование	5,63	(1,89)	-	2,35
Пол	-3,12	—	—	—
Раса	-3,66	-3,70	(-1,90)	10,99
Возраст (линейная связь)	6,83	-8,26	—	—
Возраст (квадратичная связь)	(-1,68)	-3,82	—	—

Переменные	Кеннеди	Ядерная угроза	Связь и транспорт	Депрессия
Образование				2,00
Пол	2,27	-2,30	—	—
Раса	—	—	—	—
Возраст (линейная связь)	-3,65	-2,93	3,52	4,63
Возраст (квадратичная связь)	-4,52	—	—	2,22

Переменные	Компьютеры	Упадок морали	Терроризм	Права женщин
Образование	2,74	—	—	—
Пол	—	—	—	3,66
Раса	—	—	—	—
Возраст (линейная связь)	—	—	-4,08	-2,11
Возраст (квадратичная связь)	—	—	(1,75)	—

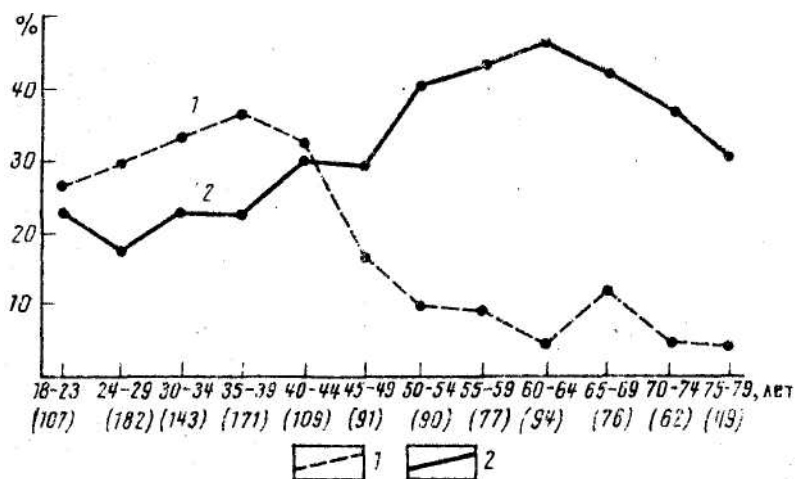

Рис. 1. Распределение по возрасту респондентов, назвавших события: 1 — Вьетнамская война; 2 — Вторая мировая война. В скобках указаны абсолютные величины N

Если заменим возраст людей, демонстрирующих пики частоты упоминаний о двух войнах, на их возраст в начале и конце соответствующей войны, то получим следующее:

Событие	Начало	Конец
Вторая мировая война (1941—1945)	16—20	20—24
Вьетнамская война (1965—1973)	15—19	23—27

Дата начала Второй мировой войны (1941) вполне понятна, а в качестве начала войны во Вьетнаме выбран 1965 г. потому, что именно в это время американский народ стал ею интересоваться. Возрастные границы пиков частоты упоминания Второй мировой войны (16—24 года) и Вьетнамской войны (15—27 лет) очень близки к тем, которые отмечал Манкгейм в качестве критических границ формирования генерации (17—25 лет).

Наиболее яркие воспоминания сохраняются по отношению к событиям, происходившим в юности. Подобный эффект возникает по двум причинам. С одной стороны, те, кто слишком молоды, чтобы пережить войну в юности (им в 1985 г. не исполнилось 50 лет), в меньшей степени склонны упоминать Вторую мировую войну хотя бы потому, что она не является частью их собственного мира. С другой стороны, те, для кого событие, а именно Вьетнамская война, происходило уже в зрелом возрасте (им в 1985 г. было 45 лет), также не склонны упоминать ее, но уже по той причине, что в их сознании она находится в тени более ранних событий, которые оказываются доминирующими.

К другим точно датированным событиям относятся: Великая депрессия (30-е годы), убийство Дж.Ф. Кеннеди в 1963 г. и терроризм, связанный с захватом Ираном в 1979 г. заложников. Как видно из рис. 2, упоминание этих трех событий тесно связано с возрастом респондентов⁴.

Мало кто отметил депрессию в качестве важного события, но большинство указавших — люди в возрасте 70 лет и старше. По возрасту они даже старше тех, кто указали Вторую мировую войну (как и должно быть по нашей основной гипотезе). Убийство Дж. Кеннеди отметили те, чей возраст от 40 до 50, т.е. кому

⁴ Масштаб оси координат на рис. 2 иной, нежели на рис. 1. Максимальное значение по оси координат на большинстве графиков составляет 20%. На рис. 1 и рис. 2 этот максимум больше.

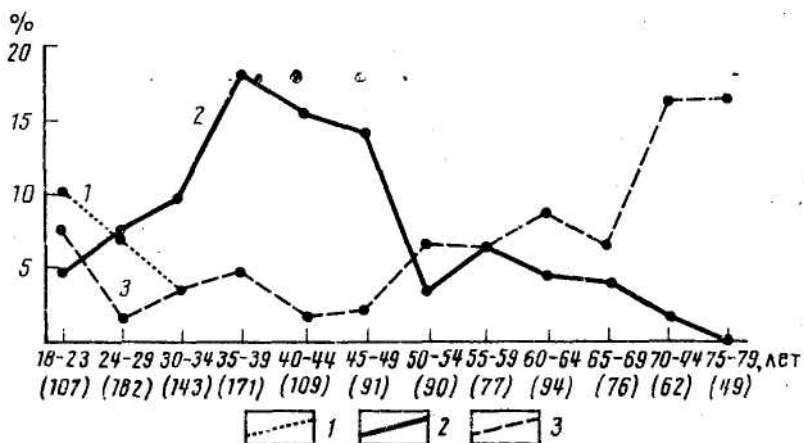

Рис. 2. Распределение по возрасту респондентов, указавших события: 1 — терроризм; 2 — убийство Кеннеди; 3 — Великая депрессия 1929 г. В скобках указаны абсолютные величины N

в 1963-м (когда было совершено убийство) было между 14 и 20—25 годами. Такой молодой состав респондентов, отметивших именно это событие, неудивителен, т.к. восприятие и идеализация личности президента происходят раньше, чем осознание политических событий. Кроме того, телевидение донесло драму убийства Кеннеди практически в каждый американский дом. Хотя пик упоминаний приходится на тех, кому в 1963 г. было 15 лет, многие респонденты, кому тогда было от 8 до 12 лет, также указали на него. Факты терроризма, завладевшие общественным вниманием в конце 1979 г. и в начале 80-х годов, чаще упоминались самыми юными респондентами. Суммируя, можно сказать, что эти три события, как и две войны, особенно охотно указываются людьми, чей возраст s момент их совершения находился в пределах от «...надцати» до 25 лет.

В отличие от «событий», «изменения» гораздо труднее ограничить четкими временными рамками. Однако можно установить их связь с возрастом респондентов. Категория «прогресс в коммуникациях и транспорте» включает в себя упоминания о развитии радио, телевидения и реактивной авиации. Неудивительно, что события такого рода указываются в основном пожилыми американцами — непосредственными свидетелями этих революционных достижений. Для более юных американцев телевидение и реактивная авиация — ординарная часть их жизненного мира. Того же самого можно было ожидать и по поводу категории «ядерная война», поскольку знакомство с атомными и водородными бомбами происходило в 1945 и 1950 гг. Кроме того, 1950 г. — период обострения отношений между США и СССР. Однако наблюдается и совершенно противоположная тенденция. Максимальное число упоминаний о ядерной войне, включающих такие темы, как развитие ядерного оружия и переговоры о ядерном разоружении (но не о ядерной мощи), получено от молодежи. Прежняя наша интерпретация, ссылавшаяся на переживаемые в юности события, здесь несостоятельна. Хотя рост беспокойства по поводу возможных последствий ядерных разрушений в последнее время все-таки оказал влияние на «возрастной эффект». Антиядерные движения накануне 1985 г., с одной стороны, явились следствием такого беспокойства, а с другой стороны — сами будоражили национальный интерес к ядерным проблемам. Возрастная структура восприятия ядерного оружия очень похожа на структуру восприятия терроризма. Кроме того, можно предположить, что определенную роль здесь играют этапы жизненного цикла. Молодые сильно обеспокоены возможностью жить в этом мире и будущим своих детей, которое может быть разрушено ядерной войной. Напротив, пожилые

меньше обеспокоены такими событиями, их внимание концентрируется на проблемах старения, болезней, потери любимых людей и приближении смерти.

Что касается гражданских прав, то изменения в этой области как важное событие в основном отмечают пожилые чернокожие.

Продолжим наш анализ. Категория «упадок морали» по своему характеру сильно отличается от политических и технологических перемен. Она покрывает спектр проблем, связанных с преступлениями, абортами, наркотиками, половой распущенностью, алкоголизмом, утратой религиозных чувств. Казалось бы, подобные высказывания чаще всего должны исходить от пожилых американцев или, по крайней мере, от людей старшего возраста. Но, к удивлению, такой зависимости вообще не прослеживается. Разумно предположить, что внимание молодежи, связанное с такими явлениями, как аборт и потребление наркотиков, уравновешивается беспокойством людей старших возрастов, а также глобальными, долговременными изменениями, относящимися к изменению ценностей, существовавших в годы их юности.

В целом можно сказать, что возраст обладает наибольшей предсказательной способностью по отношению к вспоминаемым событиям и переменам за последние 50 лет. Приведенные графики зависимости событий от возраста свидетельствуют, что во всех или почти во всех случаях влияние возраста представляет собой «эффект когорты». Внутри же когорты доминирующее значение имеют события и явления, относящиеся к юности или раннему периоду взрослости.

Причины выбора конкретных событий и изменений

Хотя наш поиск связей между когортами и вспоминаемыми событиями был успешным даже в тех случаях, когда дифференциация по возрасту оказывалась достаточно сильной, всегда находилось значительное количество респондентов, не принадлежащих к модальной когорте, но тем не менее отмечавших данное событие как особенно важное. Например, хотя более 40% из тех, кому сейчас от 50 до 70 лет (т.е. тех, кому тогда было от 13 до 20 лет), считают Вторую мировую войну очень важным событием, ее назвали около 20% тех, кто родился после 1945 г. Но зададимся вопросом: одну ли и ту же войну они упоминают? Тот факт, что различные возрастные группы указали одно и то же событие, да еще используя сходные выражения, вовсе не означает, что они одинаково ее воспринимают. Настала очередь разобраться в причинах расхождения между когортами, если речь идет о восприятии одних и тех же событий.

Как только респондент отметил одно или два важных с его точки зрения события, мы спрашивали его о причинах выбора: «Почему оно кажется очень важным с Вашей точки зрения?» Ожидалось, что, выявив генерационное различие в причинах выбора событий, мы тем самым определим «субъективную цену» самих событий. Давние факты пожилые люди выбирают, основываясь на личном опыте, для чего необязательно находиться в гуще сражений Второй мировой войны. Достаточно было жить в то время. Они могут пользоваться, если сформулировать это корректно, помощью автобиографических воспоминаний. Молодые люди могут черпать свои знания о прошлом, читая или слушая о нем (что дает им определенное преимущество в перспективе восприятия). В то же время при обращении к недавним событиям, происходившим на глазах, они воспринимают факты свежим взглядом, такими, какие они есть. Напротив, пожилые американцы воспринимают эти события через призму своей молодости, пытаются ассимилировать их, или наоборот, противопоставить личному опыту своей юности. Такова одна из наших гипотез.

Анализ причин указания событий намного сложнее анализа самих событий, потому что выборочную совокупность составили лишь те, кто отметил данное событие, а не вообще любые из них. Даже для такого распространенного

явления, как Вторая мировая война, совокупность респондентов составила 364, а для большинства других событий ее объем значительно меньше. Наше исследование причин включает четыре события, каждое из которых назвали не менее 100 респондентов: это Вторая мировая война, война во Вьетнаме, исследование космического пространства и убийство Кеннеди.

Процентные распределения для каждой категории причин по каждому из четырех событий выделены для шести возрастных групп. Например, из 55 респондентов в возрасте 18—29 лет, указавших в качестве важного события Вторую мировую войну, 4% отметили «испытания военного времени» как причину своего выбора, а 96% назвали другие причины. (Суммарное число людей всех возрастов, указавших данную причину, приведено в скобках непосредственно за формулировкой причины. В случае «испытаний военного времени» это число равно 99.) В правой части таблицы приводятся значения *t*-отношений из логистических регрессий, где каждая причина рассматривается как зависимая дихотомическая переменная, а возраст, уровень образования и пол рассматриваются как предикторы. Для возраста мы приводим все *t*-отношения, а для образования и пола только статистически значимые ($p < 0,10$). Необходимо также указать на то, что каждый отклик может быть отнесен как максимум к трем категориям причин, поэтому они не являются взаимоисключающими.

Пожилые люди склонны указывать в качестве причин выбора войны те или иные аспекты ее личного восприятия. На границе 50 лет происходит резкий разрыв в указании причин такого рода (это примерная возрастная граница между теми, кто родился до начала войны, и теми, кто к этому времени еще не родился). Примеры откликов:

«Меня послали в Северную Африку, но мне она не нравится. Теперь я нуждаюсь в слуховом аппарате, т.к. потерял там свое здоровье» (мужчина 70 лет).

«Из-за того, что мой муж должен был уехать от меня на три с половиной года, моя жизнь изменилась. Когда он ушел, я осталась с ребенком и должна была со всем справляться одна» (женщина 72 лет).

Война вспоминается им, как важное событие потому, что они или их родственники были призваны в армию. Конечно, не все объяснения негативны, они совершенно конкретны и автобиографичны. Цифры 45%, 44%, 54% соответственно для возрастов 50—59, 60—69, 70 лет и старше являются максимальными для причин упоминания Второй мировой войны. Они показывают, что доминирующей причиной служат личные ощущения.

Когда указывается причина «трудности военного времени», влияние возраста сказывается наиболее ярко, если выборочную совокупность разделить по полу. Воспоминания о трудностях военного времени особенно распространены среди женщин и тех, кто были еще достаточно молоды в конце второй мировой войны: «Я до сих пор помню очереди, в которых приходилось стоять, чтобы купить сахар, кофе или получить талоны на газ» (женщина 50 лет; ей было 10 лет в 1945 г.). Влияние возраста менее очевидно в распределении ответов мужчин, но и для них обычны ссылки на впечатления раннего детства: «Я помню, что не мог получить шоколадные плитки», — говорит мужчина средних лет, которому исполнилось 3 года в 1945 г.

Упоминания о человеческих потерях более или менее равномерно распределены вдоль всего возрастного диапазона, однако максимальный процент указавших эту причину приходится на респондентов в интервале 60—69 лет. Речь идет о тех, кому в период войны было приблизительно 13—25 лет. Если когорту 60—69 лет сравнить со всеми другими возрастными группами, то разница окажется статистически значимой. Их суждения особенно эмоциональны: «Множество людей погибло. Я вернулся домой, но многих уже нет» (мужчина 63 лет).

Для молодых причины более отстранены и менее выражены: «Хорошо, что все это закончилось, и люди перестали погибать» (мужчина 23 лет). Статистическая значимость возрастной дифференциации для респондентов, указавших

в качестве причины человеческие потери, не может быть установлена из-за малого объема совокупности людей, отметивших ее.

Что побуждает молодых людей, родившихся после 1945 г., указывать Вторую мировую войну? Значительная их часть назвала «создание новой мировой структуры» и «большое столкновение». Обе причины различаются только степенью обоснованности и проработанности, что подтверждается следующим фактом: первая категория положительно коррелирует с уровнем образования, а вторая нет. В качестве примера приведем два высказывания, отнесенные к одной из этих категорий.

«Она изменила связи в мире и обеспечила выравнивание стран. Вторая мировая война явилась причиной "холодной" войны и ускорила ее наступление» (мужчина 36 лет, окончил колледж).

«Она затронула больше число людей, чем какая-либо другая война» (мужчина 36 лет, окончил школу).

В обоих ответах основанием могут служить знания, полученные в курсе «Американской истории» или по телевидению, правда, во втором случае ответ мог быть вызван ассоциацией слов «мир» и «мировая война».

С теоретической точки зрения гораздо более интересно преобладание молодых среди назвавших в качестве причины «победу в справедливой войне». Подобные отклики отражают тот факт, что США оказались победителем во Второй мировой войне, и что это справедливая война, т.к. люди боролись со злом. «Если бы мы проиграли войну, то мир сейчас был бы не таким свободным» (женщина 31 года); «Это была победоносная война, поэтому она привела к объединению страны» (женщина 36 лет).

Отклики такого типа не только линейно связаны с более молодым возрастом, но представлены в основном вьетнамской генерацией (теми, кто в разгар войны во Вьетнаме были подростками или молодыми людьми). Респонденты из тех, кто сейчас молоды или жили во время Второй мировой войны, обычно не дают подобных ответов. При сравнении поколения вьетнамской войны (кому сейчас 30—39 лет) со всеми остальными объединенными возрастными категориями (образование и пол контролируются) разница становится еще более значительной.

Именно вьетнамское поколение, назвавшее Вторую мировую войну, чаще рассматривает ее как «войну добрую (справедливую)», в которой «мы» сражались и победили, в сравнении с тем поколением, которое жило во время самой войны. Видимо, старшее поколение склонно трактовать текущие события через призму современности. На Вторую мировую войну молодое поколение смотрит с учетом вьетнамского опыта. «Вьетнамское поколение» проявляет ностальгию по миру, которого оно не знает, в отличие от мира его собственной юности, которая пришлось на конец 60-х — начало 70-х годов. Мы можем назвать это «ностальгией викария» (социальная версия Э.А. Робинсона). Как писал Дэвис, настоящая ностальгия отражает лично пережитое, а не почерпнутое исключительно из хроник, альманахов и исторических книг.

Молодые смотрят на послевоенную эпоху как на время патриотизма. Категория «патриотизм» («страна объединилась в одно целое, все работали как один») похожа на категорию «победа в справедливой войне». С экономическим процветанием дело обстоит иначе, оно противоречит нашим первоначальным предположениям. Казалось, что процветание во время и сразу же после войны осознают только те, кто жили в это время, а те, кто были моложе, не связывают ее с экономическими достижениями. Однако результаты логистического анализа свидетельствуют о другом. Экономическое процветание упоминается одинаково часто респондентами от 18 до 59 лет, а затем число упоминаний резко снижается для генерации Второй мировой войны. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что большинство упоминаний касается не самой Второй мировой войны, а послевоенных успехов: «Война кончилась. Наши экономические перспек-

тивы изменились к лучшему. Мой отец пришел с войны: он купил дом, которого у нас никогда не было раньше, машину и другие вещи».

Воспоминания о Вьетнаме как о важном событии характерны для узкого возрастного интервала: около 70% ответов принадлежат респондентам до 40 лет. Даже там, где процент ответивших кажется высоким, в старших возрастных категориях, абсолютное число ответов, в которых упоминается Вьетнам, мало. Из-за того, что ответы сосредоточены в узком возрастном диапазоне, вряд ли будет правильным связывать интерпретацию с возрастом. Из восьми категорий упоминаний Вьетнамской войны в качестве важного события две показывают существенную линейную связь с возрастом, а две — нелинейную. Обнаруженная линейная зависимость имеет негативный оттенок: молодежь говорит о том, что к ветеранам войны относится плохо. Подобная реакция кажется вполне естественной, т.к. действительно нужды ветеранов Вьетнама игнорировались и во время войны, и после нее: «Множество людей были посланы туда, они воевали и погибали, а когда вернулись, никто не был рад им, хотя именно правительство и посылало их» (женщина 20 лет).

Может быть, и неудивительно, что именно молодые указывают в качестве причины упоминания проблемы вьетнамских ветеранов.

В отличие от трех событий, о которых речь шла до сих пор, упоминание об освоении космоса как о важнейшем событии оказалось никак не связанным с возрастом.

«Эмоциональное благоговение» и удивление перед подвигом в космосе выражают в основном люди 50 лет и старше. Респондент, которому сейчас 50 лет, был 34-летним во время высадки на Луну, именно такие люди используют выражения типа «фантастика» или «изумительно»: «Не укладывается в уме, что все это произошло. Меня изумляет подобное сочетание интеллекта и отваги. Это — событие невероятной значимости» (женщина 69 лет). Более молодые респонденты, в жизни которых освоение космоса существовало всегда и которые ориентированы на будущее, склонны рассуждать об «интеллектуальном возбуждении»: «Наш мир претерпит существенные изменения в ближайшие 50 лет благодаря развитию космической индустрии» (женщина 24 лет); «Мы сможем создавать космические станции, и даже если мы разрушим свой мир, у нас будет место, куда деться» (женщина 27 лет).

Футуристическое возбуждение молодежи существенно отличается от благоговейного страха старшего поколения перед настоящим, так разительно контрастирующим с миром их молодости. Подобный контраст наглядно показывает, как респонденты из противоположных концов возрастного континуума оценивают одно и то же событие. Респонденты молодого и среднего возраста чаще, чем пожилые люди, подчеркивают национальные цели и национальную гордость (национализм), когда говорят об освоении космоса: «Так как мы знаем, что Россия вырвалась вперед, мы должны идти вровень с ней» (женщина 24 лет).

С другой стороны, старшее поколение указывает на практическую пользу космических исследований. Респонденты с достаточно высоким уровнем образования и мужчины в целом схоже смотрят на практическую ценность космических исследований. Люди старших возрастов рассматривают космические подвиги как совершенно неожиданное и удивительное событие. Молодые респонденты воспринимают прошлые достижения в космосе как нечто данное и чаще рассуждают о будущем — космических колониях, полетах в другие части Вселенной. Они рассматривают проникновение в космос как элемент соревнования с Советским Союзом и гордятся тем, что это именно американские достижения.

Выводы

Для большинства из 12 основных национальных или мировых событий, произошедших в последние 50 лет и упомянутых американцами в качестве особенно важных, воспоминания характеризуются обратной пропорциональностью относительно того времени, когда респонденты были тинейджерами или им было по 20 с небольшим лет. Наши данные подтверждают более общую гипотезу: воспоминания о важных политических событиях и социальных изменениях структурированы по возрасту, а также частную гипотезу: юность и период ранней взрослости — главный период, когда в сознании запечатлеваются важные политические воспоминания, характерные для данного поколения.

Нам удалось обнаружить только два явно выраженных исключения из гипотезы о том, что возраст структурирует воспоминания. Оба они касались развития науки — освоения космоса и изобретения компьютера. Вполне вероятно, что именно неполитическая природа таких явлений объясняет отсутствие их связи с возрастом. Мы предполагали, что значительное число респондентов назовут событие, которое в основном и главным определяется их собственными впечатлениями юности, независимо от того, происходило событие в это время или нет. Простое упоминание событий не может служить подтверждением гипотезы, но некоторые факты в ее пользу все-таки были обнаружены. Те, кто указали события, происходившие во времена их юности или ранней взрослости, имеют четко выраженную тенденцию объяснять свой выбор в терминах прямого личного участия или переживания (например, воинская служба во время Второй мировой войны или яркие личные воспоминания об убийстве Кеннеди). Если же событие происходило не в юности, то респонденты, указавшие на него, имплицитно сравнивают его с теми событиями, которые происходили во времена их собственной юности или ранней взрослости. Яркий пример — оценка Второй мировой войны как справедливой, которую дают не ее участники, а представители генерации войны во Вьетнаме (в момент опроса им от 30 до 40 с лишним лет). Видимо, юношеское переживание реальных событий связано с их личностным значением, а восприятие события через его политическое значение касается того, что респондент вообще не пережил. Влияние юношеского возраста или ранней взрослости учитывает ряд факторов, связанных с жизненным опытом. Речь идет, во-первых, о низкой значимости событий, которые происходили до того периода, когда респонденты достигли интеллектуальной зрелости; во-вторых, об открытости юношества и молодости к внешним влияниям со стороны домашнего и соседского окружения; в-третьих, о важности первых политических или социальных событий, с которыми сталкивается человек, для формирования его дальнейших взглядов (последующие события редко воспринимаются столь же значимо, как предыдущие).

Наши данные показывают, что необходимо различать по крайней мере два значения термина «коллективная память (воспоминание)». В узком смысле — это персонифицированные (пропущенные через личный опыт или переживание) коллективные воспоминания. В более общем смысле — это коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поведения членов данного поколения, например, оценка «вьетнамским поколением» Второй мировой войны как победы добра над злом. Коллективные воспоминания в этом случае становятся массовым образом происшедшего события, они не требуют персонификации восприятия, и поэтому их трудно отличить от традиционных мнений как формы «коллективного представления» в дюркгеймовском понимании. Различие между двумя трактовками связано не столько с содержанием воспоминания, сколько со степенью личного переживания, которое относится к прожитым событиям. Стало быть, это различие не связано с теми, которые получены из вторых рук.

Даже такие события, как Вторая мировая война, которые на первый взгляд полны политического смысла, обусловлены личностным восприятием, но не буду-

щим политическим поведением. Вместе с тем из воспоминаний, которые куда более явно относятся к будущему поведению (воспоминание о разделенности общества в период Вьетнамской войны), респонденты извлекают противоположные уроки. Некоторые люди обвиняют во всем правительство или военных, а другие — прессу и критику войны со стороны либералов. Наличие двух различных способов политической интерпретации не соответствует маннгеймовскому предположению о перспективном поведении поколений. Оно скорее указывает на опасность прямого перехода от собственных взглядов и мнений о них людей к предсказанию поведения других. В дополнение скажем, что большинство людей гораздо меньше думает о моральных последствиях войны, чем о возможности победы или поражения в ней: респонденты с энтузиазмом поддерживают те вторжения, которые кажутся безболезненными для США, и неохотно соглашаются с рискованными.

Социологу важно понять, что конкретно означают те или иные события для личности и социальной группы, т.к. именно их субъективный смысл выступает определяющим элементом превращения жизненного опыта в будущее поведение. Результаты, полученные в нашем исследовании, помогут продвинуться в указанном направлении.

Перевод с английского М.С. КОСОЛАПОВА